

Внешняя торговля Российской Федерации – время переосмысления

Сергей И. Беленчук

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, belenchuk51@mail.ru*

Екатерина Б. Покровская

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, reb707@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются современные особенности российской внешней торговли. Налицо позитивные сдвиги – удалось преодолеть несбалансированность в торговых отношениях с Китаем, и в целом в 2018 г. продолжилось начавшееся в 2017 г. восстановление положительной динамики российской внешней торговли прежде всего экспорта. Кроме того, наконец активизировался процесс дедолларизации российской внешней торговли. В то же время нельзя не отметить неблагоприятные моменты: в первую очередь, снижение доли несырьевых и не-энергетических товаров в общем объеме российского экспорта. У России, конечно, есть стратегическое видение того, как необходимо развивать национальный экспорт. Вместе с тем в условиях неопределенности, характеризующей в настоящее время состояние международной торговой системы, представляется вполне логичным взять паузу для переосмысления еще не получивших своего завершения глобальных сдвигов и сделать упор на дедолларизации российской внешней торговли и на максимально активном участии в формировании новых контуров этой системы, в частности в реформатировании «ВТО» в «ВТО плюс».

Ключевые слова: внешняя торговля, диверсификация экспорта, дедолларизация, ЕАЭС, ВТО

Для цитирования. Беленчук С.И., Покровская Е.Б. Внешняя торговля Российской Федерации – время переосмысления // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 277–291. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-277-291

Foreign trade of the Russian Federation – time to rethink

Sergei I. Belenchuk

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
belenchuk51@mail.ru*

Ekaterina B. Pokrovskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
peb707@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the current features of Russian foreign trade. Positive shifts are evident – it was a success when overcoming the imbalance in trade relations with China, and in general, in 2018, the restoration of the positive dynamics of Russian Foreign trade and, above all, export, which began in 2017, continued. In addition, finally, the process of de-dollarization of Russian foreign trade was intensified. At the same time, one cannot fail to note unfavorable moments: first of all, a decrease in the share of non-primary and non-energy goods in the whole value of exports. Russia, of course, has a strategic vision of how to develop national exports. At the same time, given the uncertainty currently characterizing the state of the international trading system, it seems logical to take a break to rethink the global shifts that have not yet been completed and to focus on the de-dollarization of the Russian foreign trade as well as on most active participation in the formation of new contours of the system, in particular in the reformatting of the “WTO” into the “WTO plus”.

Keywords: foreign trade, export diversification, de-dollarization, EAEU, WTO

For citation: Belenchuk, S.I. and Pokrovskaya, E.B. (2019), “Foreign trade of the Russian Federation – time to rethink”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no 4, pp. 277-91, DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-277-291

В 2018 г., несмотря на экономические санкции, положение России в сфере внешней торговли улучшилось. В 2018 г. продолжилось начавшееся в 2017 г. восстановление положительной динамики российской внешней торговли и прежде всего экспорта. Определяющую роль в отношении экспорта сыграл ценовой фактор, однако нельзя игнорировать и сохранение преемственности позитивных тенденций в плане продуктовой, географической и фирменной диверсификации. О возросшей экспортной активности свидетельствует и расширение физического объема товарных поставок.

Внешнеторговый оборот России товарами в 2018 г. составил 688,1 млрд долларов США и по сравнению с 2017 г. возрос на 17,6%.

Стоимость российского экспорта в 2018 г. возросла по сравнению с предыдущим годом на 25,8% и достигла 449,6 млрд долларов США, при этом в страны дальнего зарубежья было продано товаров на сумму в 394,7 млрд долларов США (прирост на 27,7%), а в государства СНГ – на сумму в 54,9 млрд (прирост на 13,9%).

Стоимость российского импорта увеличилась в 2018 г. по сравнению с предыдущим годом на 4,7% до 238,5 млрд долларов США. В странах дальнего зарубежья было закуплено товаров на сумму в 212,0 млрд долларов США (прирост на 4,5%), а странах СНГ – на сумму в 26,5 млрд долларов США (прирост на 6,0%).

У России в 2018 г. увеличилось положительное сальдо торгового баланса, достигнув 211,1 млрд долларов США по сравнению с 129,4 млрд долларов США в 2017 г.

В товарной структуре экспорта России в 2018 г. продолжали преобладать топливно-энергетические товары с удельным весом в 63,8%, при этом стоимость проданных за рубеж товаров указанной группы возросла по сравнению с предыдущим годом на 35,3%.

Далее идет группа металлов и изделий из них, доля которой составила 9,7%. Стоимость экспортированных металлов и изделий из них увеличилась в 2018 г. в сравнении с годом ранее на 19,4%.

Что касается доли продукции машиностроения в российском экспорте в 2018 г., то она оставалась низкой, всего 6,5%, хотя стоимость проданной за рубеж указанной продукции немного возросла – на 2,5%. Стоимостный объем экспорта продукции химической промышленности в 2018 г. возрос на 14,6%, при этом удельный вес данной товарной группы в общем объеме экспорта составил 6,1%.

В то же время следует обратить внимание на рост экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, стоимость которого увеличилась на 20,3%. Доля этой товарной группы в общем экспорте России составила в 2018 г. 5,5%.

В сфере российского импорта ведущее место занимает продукция машиностроения. Ее доля составила в 2018 г. 47,3%. Стоимостный объем импорта продукции машиностроения возрос по сравнению с 2017 г. на 1,7%.

Второй по значению явилась группа продукции химической промышленности, доля которой в российском импорте составила в 2018 г. 18,3%. В 2018 г. по сравнению с прошлым годом возросли закупки продукции химической промышленности в стоимостном выражении на 8,2%.

Доля продовольственных товаров и сырья для их производства в общем импорте в 2018 г. составила 12,5%. Стоимостный объем ввоза этой продукции возрос на 2,8%.

По сравнению с 2018 г. возрос импорт металлов и изделий из них на 8,9%, древесины и целлюлозно-бумажных изделий – на 8,3%. Доля этих товаров в общем импорте России в 2018 г. составила 7,2 и 1,6% соответственно.

Доля текстиля, текстильных изделий и обуви в российском импорте в 2018 г. составила 6,2%, стоимостный объем ввоза этой продукции возрос на 8,8%.

В общем объеме внешнеторгового оборота на долю стран дальнего зарубежья в 2018 г. приходилось 88,2%, на долю стран СНГ – 11,8%.

Внешнеторговый оборот России в 2018 г. со странами дальнего зарубежья составил 606,7 млрд долларов США, увеличившись на 18,5% по сравнению с предыдущим годом.

Оборот России в 2018 г. со странами СНГ составил 81,3 млрд долларов США (увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 11,6%).

Крупнейшим экономическим партнером России остается Европейский союз, на его долю в 2018 г. приходилось 42,8% российского товарооборота (в 2017 г. – 42,2%), на страны СНГ – 11,8% (12,5%), на страны ЕАЭС – 8,2% (8,8%), на страны АТЭС – 31,0% (30,3%).

В целом в 2018 г. ситуация во внешней торговле по многим показателям улучшилась. Однако нельзя не обратить внимания на два неблагоприятных момента: во-первых, это уменьшение доли несырьевых и неэнергетических товаров в общем объеме российского экспорта и, во-вторых, это снижение доли ЕАЭС в общем объеме внешней торговли России.

Что касается первого момента, то речь идет о том, что после нескольких лет (начиная с 2015 г.) определенных успехов в области диверсификации экспорта этот процесс если и не пошел на убыль, то застопорился. На наш взгляд, причины здесь в большей мере носят фундаментальный характер, чем просто отражают некие конъюнктурные неувязки.

У России, конечно, есть стратегическое видение того, как необходимо развивать национальный экспорт. Об этом, в частности, пишет крупнейший специалист по внешнеэкономическим связям России, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор А.Н. Спартак: «На начальном этапе диверсификация будет носить преимущественно инерционный характер..., тогда как со временем, по мере получения дополнительных ресурсов на цели

развития от инерционно-мобилизационной диверсификации... необходимо переходить к инновационному этапу диверсификации, когда в экспортную сферу вовлекаются новые факторы конкурентоспособности с акцентом на использование интеллекта и передовых технологий» [Спартак 2018, с. 268].

В то же время разработка программы перехода ко второму этапу диверсификации, по всей видимости, не завершена, и этому можно найти вполне объективное объяснение. Прежде всего непонятно, в каком направлении будут развиваться глобализационно-интеграционные процессы, станет ли мегарегионализм становым хребтом международной торговой системы, сохранит ли доллар роль главной резервной валюты. Непонятно также, как в условиях наступления цифровой экономики будут формироваться новые глобальные (региональные) цепочки создания стоимости (ГЦСС) и как быстро потеряют свое значение ныне действующие ГЦСС. Ведь уже имеются признаки того, что в этой области не первый год наблюдается застой. Так, автор доклада о ГЦСС David Dollar утверждает следующее: «Удивительным является то, что с 2011 г. не происходит увеличения ни доли (в мировом производстве. – *Авт.*) традиционной торговли, ни доли торговли в рамках ГЦСС» [Dollar 2017, р. 2]. Не до конца ясно, когда произойдет коренной перелом в пользу экспорта услуг при заметном сокращении физического экспорта товаров. *Возможно, именно поэтому сейчас взята пауза для переосмысления происходящих тектонических сдвигов, а процесс диверсификации продвигается как бы по инерции.*

Все это не значит ослабления внимания к развитию тех направлений диверсификации экспорта, эффективность которых для России не вызывает сомнения. Речь идет прежде всего о таких отраслевых экспортных кластерах, как атомная отрасль и индустрия разработки программного обеспечения. Кроме того, Россия не оставляет усилий с целью зарезервировать место для своей продукции на расширяющихся рынках сбыта стран мировой периферии, в частности, Африки, а также с целью обеспечения своего участия в проектах, связанных с решением глобальных проблем (например водоснабжение, экология, энергетика).

Что касается второго неблагоприятного момента, а именно снижения доли ЕАЭС в общем объеме российской внешней торговли, то его можно объяснять примерно с тех же позиций, что и первый негативный момент. Более конкретно речь о том, что в 2018 г. процесс интеграции в рамках ЕАЭС замедлился. А ведь становление и укрепление ЕАЭС как интеграционной группировки является одним из приоритетов не только торговой политики России, но и геополитической стратегии в целом. Лишь на основе ЕАЭС Россия

сможет претендовать на участие в мегарегиональных торговых соглашениях (МРТС), которые, возможно, создадут основу будущей конфигурации международной торговой системы. Вместе с тем итоги 2018 г. свидетельствуют о сохранении в ЕАЭС элементов национального протекционизма. Во многом этим объясняются сложности в преодолении бюрократических и административных барьеров. Здесь нельзя не согласиться с Ю. Кофнером (Евразийский сектор ЦЕМИ НИУ ВШЭ), подведшим итоги дискуссии на сессии «Евразийский экономический союз. Стратегия будущего», прошедшей в рамках Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2019) 6 июня 2019 г. По его мнению, «...один из главных критических аргументов в адрес ЕАЭС заключается в ощущении того, что государства-члены игнорируют многие положения Договора о ЕАЭС и решения Комиссии. Недоинтеграция наносит существенный вред и прежде всего – деловому сообществу. Бизнес все время подчеркивает, что сохраняются проблемы и ограничения на пути формирования общих рынков, что уменьшает возможность прочувствовать весь положительный эффект от интеграции и мешает эффективной работе единых рынков»¹.

Впрочем, так называемая недоинтеграция связана, может быть, еще в большей степени с незавершенностью выработки стратегии как России, так и всего блока ЕАЭС, в отношении реальных путей диверсификации экспорта и формирования собственных или связанных по оси синдицированного регионализма «Юг–Юг» цепочек создания стоимости, вне рамок уже функционирующих и местами клонящихся к закату глобальных цепочек создания стоимости – ГЦСС. Как уже было сказано выше, *вероятнее всего, требуется некоторая пауза для того, чтобы переосмыслить те громадные изменения, которые произошли в мировой торговой системе в самые последние годы.*

В то же время можно говорить и об определенных успехах в функционировании ЕАЭС в 2018 г., связанных, в частности, с воплощением в жизнь соглашений о зонах свободной торговли с рядом стран, прежде всего Вьетнамом, что означает движение в правильном направлении с учетом всего вышесказанного.

Но самым большим успехом для России стало то, что в 2018 г. ей наконец удалось преодолеть несбалансированность в торговых отношениях с Китаем и выйти на положительное сальдо торгового баланса. Это говорит о многом, но прежде всего об окончательном развороте обоих государств друг к другу. Что касается Китая, то

¹ 10 июня 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://провэд-медиа.рф/expert/strategiya-budushchego-eaes/>

в условиях значительного обострения отношений с США он смог оценить дивиденды от той роли, которую сотрудничество с нашей страной может сыграть в сфере укрепления его безопасности. Отсюда шаги, нацеленные на серьезное экономическое сближение с Россией, что дает России простор для завершения выработки своей стратегии развития внешнеэкономических связей в условиях нового глобализма. И в целом необходимо согласиться с академиком С.Ю. Глазьевым, который сформулировал приоритетную задачу для России в данной области следующим образом: «В сложившихся условиях Россия могла бы сформировать вместе с Китаем и другими странами ядра азиатского цикла накопления в новый центр расширенного воспроизводства» [Глазьев, Гельвановский, Захаров и др. 2016, с. 248].

В свою очередь, многие представители западного истеблишмента упорно настаивают на том, что Китай вряд ли сможет в дальнейшем поддерживать высокие достижения последних десятилетий. Например, один из наиболее влиятельных финансовых политиков мира, бывший Председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы США Алан Гринспен полагает, что Китай не сможет обойти США технологически в большей мере по причинам цивилизационным, а не экономического характера [Гринспен 2018]. В данных условиях особое значение приобретает необходимость добиваться реального экономического суверенитета, который, в свою очередь, немыслим без суверенной денежной политики. «Перед Россией как великой державой стоит задача обеспечить переход в категорию суверенных стран “первого валютного мира”» [Рыбковская 2017, с. 21].

В этом контексте особую актуальность приобретает задача дедолларизации внешнеэкономических связей России. Об этом открыто говорят и первые лица государства, и ведущие представители бизнеса. Так, глава ВТБ А. Костин в интервью Китайской глобальной телевизионной сети в июне 2019 г. прямо призвал компании России и Китая переходить на расчеты в национальных валютах. По его мнению, «американцы, используя положение доллара в международной валютной системе, оказывают беспрецедентное давление как на суверенные государства, так и на бизнес-конкурентов. Выход здесь один – ограничивать использование американской валюты, хотя речь, конечно, не идет о каких-либо запретах в ее использовании в международных расчетах»².

² Полонский А. Доллару пора в отставку [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/articles/dollaru-pora-v-otstavku_203052 от 08.06.19 (дата обращения 26.07.19).

Следует отметить, что курс на дедолларизацию был взят довольно давно, но говорить о существенных успехах в этой области пока рано.

Как свидетельствуют данные ЦБ РФ, уровень долларизации расчетов России по внешней торговле остается очень высоким. При этом доля доллара по экспорту гораздо выше, чем по импорту. Правда, нельзя не отметить, что за последние месяцы эта доля заметно уменьшилась, но это объясняется в основном увеличением доли евро, что не сильно меняет картину с учетом того, что ФРС и ЕЦБ в значительной мере координируют свою денежную политику и в ряде случаев действуют как единый эмиссионный центр. Что касается доли рубля, то вплоть до конца 2018 г. эта доля изменялась незначительно, так же как и доля «прочих валют», под которыми подразумевается в основном китайский юань. Здесь важно отметить, что если со странами – членами ЕАЭС организация расчетов в рублях не сталкивалась с существенными трудностями, то переход на национальные валюты в расчетах с главным торговым партнером России – Китаем – проходит довольно сложно. Еще в 2014 г. между сторонами готовилось соглашение о более широком использовании национальных валют, но затем Китай отказался от этого соглашения, причем причина этого лежит на поверхности – обвал рубля. В прошлом году также готовилось подобное соглашение, однако в ноябре китайская сторона опять от него отказалась.

Наконец, в июне 2019 г. первый вице-премьер РФ, министр финансов А. Силуанов и председатель Народного банка Китая И. Ганн подписали межправительственное соглашение о переходе на расчеты в национальных валютах. Можно, конечно, скептически оценивать это соглашение и говорить об отсутствии уверенности в том, что данное соглашение будет выполняться неукоснительно, поскольку рубль страдает неустойчивостью, а юань все еще имеет ограниченную конвертируемость.

Однако есть признаки того, что движение в нужном направлении все же началось: доля юаня в расчетах России с КНР в самые последние месяцы заметно выросла. И произошло это на фоне того, что, как уже указывалось выше, впервые за многие годы у России в торговле с Китаем образовалось положительное сальдо. И здесь важно обратить внимание на то, что Китай в самое последнее время предпринял значительные усилия для укрепления устойчивости юаня. Речь идет об отладке механизма торговли нефтяными и золотыми фьючерсами, деноминированными в юанях, на Шанхайской бирже. Запущенная чуть более года назад торговля нефтяными фьючерсами предусматривает возможность хеджироваться за счет золотых фьючерсов, которые можно обменивать на физическое золото.

Итак, дедолларизация вроде бы становится реальностью, и можно констатировать, что этот курс реализуется через постепенный переход на расчеты в национальных валютах либо в валютах третьих стран. Такой подход в принципе можно считать приемлемым для России. Однако здесь надо оговориться, что расчет на то, что Китай будет постоянно поддерживать устойчивость юаня в угоду соблюдению коммерческих интересов российской стороны, является в корне неверным. В частности, в настоящее время нельзя исключать варианта, при котором юань в рамках достижения договоренности между эмитентами валют, входящих в корзину СДР, может быть обесценен в отношении золота. Что касается рубля, то в случае его распространения в качестве международного средства платежа он становится гораздо более уязвимым в качестве объекта атаки со стороны международных спекулянтов, чем в настоящее время. Поэтому переход непосредственно на национальные валюты в межгосударственных платежах и расчетах может быть эффективным лишь для запуска дедолларизации.

На следующем этапе необходимо создавать специальные расчетные единицы, опирающиеся на целый набор товаров с дуальными свойствами, и не только на золото. Детальная проработка этого вопроса уже осуществлена коллективом специалистов АНО «Национальный институт развития» Отделения общественных наук РАН под руководством известного российского экономиста М.И. Гельвановского в рамках исследования «Мультитоварная база международной валюты как средство обеспечения национальной и глобальной финансово-экономической безопасности» [Гельвановский, Минченков, Водянова, Заплетин 2017]. Следуя логике исследования, можно предположить, что эти единицы будут выполнять функцию меры стоимости, а курс рубля и юаня, которые будут средствами платежа, будет зависеть главным образом от биржевой цены указанного набора товаров. Подобная система создает гарантии стабильности расчетов для обеих сторон, но она в то же время потребует создания на межгосударственном уровне совместного механизма регулирования расчетов. И лишь потом можно будет говорить о создании совместной валюты для ведения взаимных расчетов, обеспеченной резервами дуальных товаров. В любом случае формирование подобного механизма может послужить монетизацией функции нашей страны в сфере обеспечения международной безопасности, без чего Китай вряд ли сможет развивать свою собственную модель глобализации, тем более что в последние годы он сталкивается на этом пути со все возрастающими трудностями.

Решение проблемы дедолларизации следует дополнить активизацией усилий в торгово-политической сфере. Опыт последних лет

свидетельствует о том, что России следует все более эффективно использовать возможности ВТО прежде всего с помощью механизма урегулирования споров ВТО. Здесь уже имеется неплохой задел. Девять споров в активной стадии по состоянию на июль 2019 г. – это неплохой показатель. При этом Россия старается больше не прибегать к услугам иностранных специалистов и специализированных фирм. Одновременно не следует забывать, что в 2020 г. заканчивается льготный период по последней теме в рамках наших обязательств по присоединению к ВТО: снимаются ограничения на создание «прямых» филиалов иностранных страховых компаний.

Однако наиболее актуальная задача в данной области, которую России необходимо решить в недалеком будущем, связана с необходимостью резко повысить эффективность нашей торговой политики в плане продвижения выгодных для России реформ системы управления международной торговой системой, прежде всего в рамках участия в ВТО. Реформированная ВТО, или ВТО плюс, может стать вполне эффективным оружием в борьбе против ничем не мотивированных (с точки зрения международных правовых положений) протекционистских шагов администрации Трампа. Кроме того, активное участие России в этих реформах позволит ей максимально эффективно использовать все возможности формируемой системы, чего не скажешь об использовании возможностей уже существующей системы.

А эти реформы назрели, поскольку в последние годы механизм ВТО все чаще дает сбои. И хотя количество исков в рамках процедуры разрешения торговых споров заметно выросло, количество решений, вводящих реальные санкции, насчитывает единицы. Ряд стран, в первую очередь США, вводят протекционистские меры без какого-либо соблюдения процедур ВТО. Более того, США все чаще ссылаются на статью XXI ГАТТ, предусматривающую возможности ограничений из соображений национальной безопасности, но не приводят никаких доводов в пользу необходимости применения данной статьи. В этой связи интересно процитировать директора департамента торговых переговоров Минэкономразвития Екатерину Майорову, которая, говоря о введенных США пошлинах на сталь и алюминий в отношении России, высказала в интервью РГ следующее мнение: «... мы и интерпретировали американские пошлины как классическую специальную защитную меру, при введении которой были допущены многочисленные нарушения правил ВТО: например, не было форматного расследования условий торговли и ее влияния на отечественное производство, не всегда был доказан рост импорта и связанный с ним ущерб или угроза ущерба. На этих основаниях мы начали спор в ВТО против США. Но американцы

сказали: нет, это ни в коем случае не спецзащитные меры, это мера, принятая по соображениям безопасности»³.

Здесь следует признать, что российская сторона до сих пор довольно пассивно относилась к проблеме применения статьи XXI, де факто соглашаясь с абсолютным характером права членов ВТО применять ограничения по соображениям безопасности, что подразумевает фактическое отстранение арбитров ВТО от рассмотрения соответствующих кейсов. В этом же контексте Россия воздерживалась подавать иски в ВТО в связи с введением против нас торговых санкций (впрочем, такого же подхода придерживались и страны, против которых Россия применила контрсанкции).

Но неожиданно по спору, инициированному против России Украиной по транзиту украинских грузов, арбитры ВТО приняли иное решение – XXI статья ГАТТ об ограничениях по соображениям национальной безопасности является неотделимой частью Соглашения ВТО, и в ее отношении в полном объеме применяются правила и процедура разрешения споров. А это является юридическим подтверждением того, что право членов ВТО применять торговые ограничения по соображениям безопасности не является абсолютным. Что касается ссылки США на XXI статью для обоснования торговых ограничений, вводимых в том числе и против стран, которые относятся к союзникам США, то в соответствии с комментариями Е. Майоровой это может привести к необходимости доказывать, что у США существуют чрезвычайные обстоятельства в отношении со странами ЕС, Японией, Канадой⁴.

Таким образом, США загоняют себя в международно-правовой тупик. При этом, с одной стороны, они продолжают использовать возможности механизма разрешения споров, а с другой стороны, они предпринимают шаги по созданию существенных помех функционированию данного механизма путем блокирования выборов арбитров в апелляционный орган, что, правда, началось еще при президенте Б. Обаме. В этих условиях возникают вполне конкретные темы для запуска фактического реформирования ВТО, причем у российской стороны появляется возможность стать одним из инициаторов этого процесса. Речь идет о поисках альтернативы

³ *Зубков И.* Дела на миллион. Глава департамента Минэкономразвития – об исках в ВТО [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/05/13/majorova-rossiia-perestala-doveriat-inostrannym-iuristam-spory-v-vto.html> (дата обращения 26.02.2020).

⁴ Там же.

апелляционному органу. О том, что соответствующие предложения в основном уже подготовлены, свидетельствуют слова Е. Майоровой, высказанные все в том же интервью:

Еще один вариант (нахождения альтернативы апелляционному органу. – *Авт.*) заложен в самой Договоренности о процедурах разрешения споров ВТО – это возможность альтернативного разбирательства, то есть стороны могут договориться, что переносит апелляцию в некий иной арбитраж. Этой правовой основой можно воспользоваться, чтобы договориться о работе апелляционного органа независимо от мнения и действий США. Грубо говоря, весь остальной мир – «ВТО минус США» – на основании соответствующей статьи Договоренности о процедурах разрешения споров может решить, что апелляционный орган продолжит функционировать, несмотря на позицию американцев⁵.

Впрочем, речь идет лишь о первых шагах. Далее потребуются значительные усилия для того, чтобы переформатировать «ВТО» в «ВТО плюс».

Ряд специалистов фокусируют свое внимание на том, что потребности дальнейшей либерализации международной торговой системы явно обгоняют темпы включения в сферу деятельности ВТО ранее не охваченных сфер регулирования. К последним можно отнести такие сферы, как экология, защита прав инвесторов, обеспечение транспарентности и т. д.

Например, известный российский экономист А. Портанский в своей статье «После Найроби ВТО будет меняться» отметил, что ВТО не следует продолжать отдавать приоритет задачам XX в. и демонстрировать при этом неготовность формировать новые правила, например, для тех же глобальных цепочек создания стоимости, поскольку в этом случае новые правила будут складываться за пределами ВТО [Портанский 2016, с. 46]. И далее автор предлагает свое видение новой системы глобального управления мировой торговлей, которая, по его мнению, должна стать многоопорной. В рамках этой системы ПТС должны найти свое место одновременно с ВТО – правда, сохраняется существенная роль ВТО, – и нормы ПТС могут постепенно становиться нормами ВТО [Портанский 2016, с. 50].

⁵ *Зубков И.* Дела на миллион. Глава департамента Минэкономразвития – об исках в ВТО [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/05/13/majorova-rossiia-perestala-doveriat-inostrannym-iuristam-spory-v-vto.html> (дата обращения 26.02.2020).

О выходе вновь заключаемых или пересматриваемых преференциальных или региональных торговых соглашений за рамки норм ВТО свидетельствует в опубликованной в 2015 г. монографии «Non-Tariff Measures and WTO» известный специалист по торговой политике Robert W. Staiger:

...многие недавно заключенные преференциальные торговые соглашения (ПТС) включают гораздо более жесткие обязательства, чем обязательства, входящие в ГАТТ или ВТО. В особенности, все возрастающее число ПТС идет гораздо дальше упразднения на преференциальной основе таможенных тарифов, фокусируя внимание на ведении переговоров по особым обязательствам в сфере внутригосударственных нетарифных мер (behind the border NTM) [Staiger 2015, p. 12].

Но вышецитируемые специалисты упускают из виду самое главное, на чем справедливо заострили внимание авторы статьи «Системное влияние региональных торгово-экономических блоков на многостороннюю торговую систему» в «Вестнике РГГУ»:

Изменившаяся структура региональных торговых соглашений, включение в их охват вопросов, не регулируемых нормами ВТО или более глубоких правил по сравнению с нормами ВТО, создает предпосылки к фрагментации многосторонней торговой системы, а также требует анализа влияния новых норм правил регулирования торговли на третьи страны, оказавшимися за пределами таких соглашений [Карпова, Покровская 2018, с. 62].

В этом контексте одним из сценариев является превращение ВТО в некую зонтичную, или многоопорную структуру, которая будет использовать регуляторные практики РТС. Вместе с тем ряд экспертов в качестве опорной конструкции нового глобального управления видят «синдицированный (кооперирующийся) регионализм» по оси «Юг-Юг» с выходом в дальнейшем на «механизм глобальной координации крупнейших соглашений региональной интеграции Севера и Юга» [Лисоволик, Узан 2018, с. 16–17]. Отсюда следует, что приоритет должен отдаваться выстраиванию системы отношений между Россией и Китаем. С этим мнением трудно не согласиться, однако в реальности очень многое будет зависеть от позиции Китая, но также и от успешности реализации проекта ЕАЭС.

Литература

- Гельвановский, Минченков, Водянова, Заплетин 2017 – *Гельвановский М.И., Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П.* Мультипродуктовая база международной валюты как средство обеспечения национальной и глобальной финансово-экономической безопасности // Стратегические приоритеты. 2017. № 4. С. 120–130.
- Глазьев, Гельвановский, Захаров и др. 2016 – *Глазьев С.Ю., Гельвановский М.И., Захаров А.В. и др.* Наука, общество, государство: история взаимодействия, баланс интересов, взаимная ответственность, современные императивы / Национальный институт развития. Отделение общественных наук РАН. М.: ИП Колмогоров И.А., 2016. 418 с.
- Гринспен 2018 – *Гринспен А.* Карта и территория: Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования: Пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2018. 412 с.
- Карпова, Покровская 2018 – *Карпова А.В., Покровская Е.Б.* Системное влияние региональных торгово-экономических блоков на многостороннюю торговую систему // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 1. С. 58–69.
- Лисовик, Узан 2018 – *Лисовик Я.Д., Узан М.* Новое глобальное управление: на пути к более устойчивой системе // Валдайские записки. 2018. Июнь. № 88. С. 16–17.
- Портанский 2016 – *Портанский А.П.* После Найроби ВТО будет меняться // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 3. С. 42–52.
- Рыбковская 2017 – *Рыбковская О.Н.* Проекты СССР/России по «дедолларизации» мировой экономики: от Московского международного экономического совещания (1952 г.) к БРИКС // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2017. № 4. С. 18–31.
- Спартак 2018 – *Спартак А.Н.* Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России. М.: ИКАР, 2018. 456 с.
- Dollar 2017 – *Dollar D.* Executive summary // Measuring and analyzing the impact of GVCs on economic development: Global Value Chain Development Report 2017. Washington D.C. The World Bank, 2017.
- Staiger 2015 – *Staiger R.W.* Non-Tariff Measures and the WTO. Dartmouth and NBER. December 2015, Cambridge, M.A., USA.

References

- Dollar, D. (2017), “Executive summary”, *Measuring and analyzing the impact of GVCs on economic development, Global Value Chain Development Report 2017*, The World Bank, Washington D.C., USA.
- Gel'vanovskii, M.I., Minchenkov, M.A., Vodyanova, V.V., and Zapletin, M.P. (2017), “The multi-product base of international currency as a means of ensuring the national and global financial and economic security”, *Strategicheskije priorityety*, no. 4, pp. 120-130.

- Glazyev, S.Yu. Gel'vanovskii, M.I., Zakharov, A.V and others (2016), *Nauka, obshchestvo, gosudarstvo: istoriya vzaimodeistviya, balans interesov, vzaimnaya otvetstvennost', sovremennye imperativy* [Science, society, state. History of cooperation, balance of interests, mutual responsibility, modern imperatives], National Development Institute. Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Kolmogorov I.A., Moscow, Russia.
- Greenspan, A. (2018), *Karta i territoriya: risk, chelovecheskaya priroda i problemy prognozirovaniya* [The Map and the territory 2,0: Risk, human nature, and the future of forecasting], trans. from English, 2nd ed., Al'pina Publisher, Moscow, Russia.
- Karpova, A.V. and Pokrovskaya, E.B. (2018), "The systemic influence of the regional trade agreements on the multilateral trading system", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 58-69.
- Lisovik, Ya.D. and Uzan, M. (2018), "New global governance: towards a more sustainable system", *Valdaiskie zapiski*, June, no. 88, pp. 16-17.
- Portanskii, A.P. (2016), "After Nairobi, the WTO will change", *Rossiiskii vnesheekonomicheskii vestnik*, no. 3, pp. 42-52.
- Rybkovskaya, O.N. (2017), "Projects of the USSR / Russia on "de-dollarization" of the world economy. From the Moscow International Economic Meeting (1952) to BRICS: An analysis of projects on currency competition", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management Law" Series*, no. 4, pp. 18-31.
- Spartak, A.N. (2018), *Sovremennye transformatsionnye protsessy v mezhdunarodnoi torgovle i interesy Rossii* [Modern transformation processes in international trade and the interests of Russia], IKAR, Moscow, Russia.
- Staiger, R.W. (2015), *Non-Tariff Measures and the WTO*, December, Dartmouth and NBER, Cambridge, M.A., USA.

Информация об авторах

Сергей И. Беленчук, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; belenchuk51@mail.ru

Екатерина Б. Покровская, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; peb707@mail.ru

Information about the authors

Sergei I. Belenchuk, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; belenchuk51@mail.ru

Ekaterina B. Pokrovskaya, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; peb707@mail.ru